

Дан Борисов

**Взгляд на жизнь
с другой стороны**

книга первая

Взгляд на жизнь

Дан Борисов

Взгляд на жизнь с другой стороны

«Accent Graphics communications»

2012

Борисов Д.

Взгляд на жизнь с другой стороны / Д. Борисов — «Accent Graphics communications», 2012 — (Взгляд на жизнь)

«...я вернулся к писательству в какой-то степени даже против своей воли после того, как со мной произошло событие перевернувшее, в буквальном смысле, мои представления о жизни. Это было похоже на частичное разрушение личности, было болезненно и неприятно. Я тогда чуть было не дошел до самоубийства. Поздней осенью 2008 года я „увидел жизнь с другой стороны“. В этом выражении нет ни грамма преувеличения. Моё тогдашнее впечатление сродни тому, как если бы человек всю свою жизнь провел внутри дома, ни разу не выходя из него, и вдруг вышел на улицу и увидел свой дом снаружи. Согласитесь, это должно перевернуть его представления о жизни вообще, а не только о своем доме. Предположим еще, что в этом же доме живет много людей, точно так же, как и он, ни разу за свою жизнь не покидавших его. И вот только он один вышел, потом вернулся обратно, ему же определенно захочется поделиться своим знанием с остальными? Наверняка захочется. И мне захотелось».

© Борисов Д., 2012

© Accent Graphics
communications, 2012

Содержание

Книга первая	5
Для начала	6
Часть первая	9
1. Сон или другая жизнь?	9
2. Мираж прошлого	14
3. Память о родителях	16
4. Всплески памяти.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дан Борисов

Взгляд на жизнь с другой стороны

Книга первая

Утро

Что бы нам не говорили синоптики, вероятность дождя всегда – 50%. Если вы мне не верите – выгляньте в окошко, дождь на улице или есть, или его нет. Фифти-фифти, так сказать, третьего не дано. Во многих других областях знаний дело обстоит точно так же.

Здравый смысл.

Для начала

Я должен сказать несколько слов о причинах, побудивших меня взяться за эту книгу. Лет десять назад я забросил свои литературные опыты и думал, что навсегда, потеряв стимулы к этому труду и видя бессмысленность писательства в наше время. Чуть позже я расскажу об этом подробнее. И тем не менее, я вернулся к этому неблагодарному занятию в какой-то степени даже против своей воли после того, как со мной произошло событие перевернувшее, в буквальном смысле, мои представления о жизни.

Это было похоже на частичное разрушение личности, было болезненно и неприятно. Я тогда чуть было не дошел до самоубийства.

Чтобы ликвидировать возникшие неудобства, чтобы хоть как-то разобраться в сумятице, в которую превратился мой внутренний мир я, собственно, и начал писать эту книгу.

Поздней осенью 2008 года я «увидел жизнь с другой стороны». В этом выражении нет ни грамма преувеличения. Моё тогдашнее впечатление сродни тому, как если бы человек всю свою жизнь провел внутри дома, ни разу не выходя из него, и вдруг вышел на улицу и увидел свой дом снаружи. Согласитесь, это должно перевернуть его представления о жизни вообще, а не только о своем доме. Предположим еще, что в этом же доме живет много людей, точно так же, как и он, ни разу за свою жизнь не покидавших его. И вот только он один вышел, потом вернулся обратно, ему же определенно захочется поделиться своим знанием с остальными? Наверняка захочется. И мне захотелось.

Представьте себе еще, что люди, какими-то чарами запертые в этом доме, в свободное от основных забот время занимаются изысканиями на предмет того, что может быть снаружи, составляя целые философии и религии, передающиеся из поколений в поколения. Одни придерживаются мнения, что за пределами дома вообще ничего нет – пустота и темнота. Другие говорят, что там обитают многочисленные боги, третьи настаивают на том, что многих богов там нет, что бог един и этот единственный бог очень любит людей и волен наказывать жителей дома или поощрять их по своему произволу. Эти же третьи уверяют всех, что человек, вышедший из дома, обратно вернуться уже не может. Он теперь умер и должен дожидаться страшного суда над собой.

А наш-то человек вышел, посмотрел на то, что происходит на улице и вернулся! Он видел, что на этой улице живут такие же люди, как и в доме, он почувствовал свежий ветерок, увидел небо и солнце, вернулся обратно и пытается поделиться с остальными своим открытием, но ему никто не верит! Не может быть, говорят. Все наши теории трактуют, что этого не может быть. А он им говорит, пойдёмте, я вам покажу, что есть на самом деле, достаточно это увидеть и всё поймете сами. А они всё равно говорят, не пойдём – нас не обманешь!

Примерно в такой ситуации я оказался поздней осенью 2008 года. Сравнение со смертью, кстати, это опять не метафора. Тибетский лама Л. Рампа подробно описывает процесс ритуального умерщвления кандидатов в «посвященные». Такой обычаем существовал и во многих других древних религиях, в древнем Египте, например – если хочешь стать посвященным в главные таинства, то должен умереть на некоторое время. Если вернешься, станешь Посвященным, если нет – не судьба, похоронят с почестями.

Рампа описывает этот процесс так:

После длительной подготовки его сопроводили в глубокое подземелье, положили на гранитную плиту и замуровали двери недели на две. Почти сразу, после того, как он расслабился на своей каменной плите, тело его одеревенело, в полной темноте он увидел яркий свет, одновременно он ощутил резкие судороги в теле, как будто к этому телу подключили сильный ток низкой частоты. Неприятные ощущения довольно быстро прошли, он покинул своё тело и пребывал вне его до прихода монахов, распечатавших пещеру.

В предисловии к его книге я читал, что многие сомневаются в правдивости его рассказов, но, извините, никто его на лжи не поймал, даже в рассказах об обыденной жизни и обычаях тибетских монастырей, а я сейчас подтверждаю, что и рассказ о временной смерти вполне соответствует действительности. По крайней мере, что касается ощущений в момент выхода из тела, то у меня они точно такие же.

Другой вопрос, что для того, чтобы отделиться от тела вовсе не обязательно замуровываться в глубоких пещерах. Всё это можно проделать в собственной кровати.

Примерно такие же ощущения описывает Роберт Монро в своей книге «Путешествия вне тела». Подобные муки он испытывал долгое время, не понимая их истинного значения, и лишь спустя некоторый срок вышел из тела.

Вообще-то говоря, сначала я думал, что таких как я, Монро или Рампа много, слишком уж легко у меня в первый раз это получилось. Но, как выяснилось, я ошибался. Всё не так просто.

С другой стороны, меня поразило то, что сейчас, оказывается, есть школы, которые берутся быстро научить человека внетелесным прогулкам. После того, как разместил в интернете отрывки из своей книги, я понял, в чем дело. Я получил письма от нескольких людей, прошедших такое обучение и, оказывается, их научили только управляемым снам, а это совсем не то.

По переписке с читателями я понял еще некоторые вещи, например то, что отдельные мысли, излагаемые мной в этой книге настолько неожиданны почти для всех, что читателю остается выбрать – кто здесь сумасшедший, он сам или автор книги. Ни то, ни другое, поверьте мне. Просто само это знание настолько парадоксально, что понять, а тем более, принять его сразу нет никакой возможности. Я об этом предупреждаю читателя с самого начала. Хотя, в этой первой книге я больше описываю сам дом, чем то, что находится за его пределами. По большей части, эта книга всего лишь разговор о жизни, о её веселых и грустных сторонах. Эта книга предназначена для спокойной и длительной беседы о смысле человеческой жизни.

Проще всего, конечно, отказаться от чтения этой книги, но ведь стремление к познанию жизни не дает покоя и заставляет нас совать нос в самые неподходящие для этого места? Это характерно не для всех, но для многих. Не уверены в своих силах и тяге к знаниям? Плюньте и не читайте дальше. Но всё же замечу, что нетрадиционная часть книги – это не мистика и не религиозная догма, это всего лишь, информация к размышлению.

Моя цель здесь состоит только в том, чтобы обозначить проблемы, поставить вопросы, а не дать на них пачку исчерпывающих ответов. А что касается нетрадиционных представлений, то такого рода чтение, кроме всего прочего, требует некоторой специальной подготовки. Проще всего сказать, что это всё фигня, потому что непонятно или не верится. Но согласитесь, чтобы читать, например, учебник по ядерной физике, нужно владеть азами этой науки и смежных наук, хотя бы математикой. То же самое и в нашем случае. Я не могу здесь не сослаться на Кастанеду, Монро, Вебстера и других, включая тибетских лам, древних европейских киников и «язычников», но и не могу разьяснять полностью их мысли и знания. Читайте и узнавайте сами.

Если при первом прочтении, кое-что здесь покажется непонятным, ничего страшного. Я сам не всё понимаю. Понимание, если не пришло сразу, придет позже. Тем более что основной объем книги прост и понятен. Я ведь изначально взялся писать эту книгу только для себя, для себя одного, чтобы самому себе разьяснить эту жизнь, ставшую вдруг непонятной. Насколько мог, разьяснил.

На всякий случай предупреждаю читателей о трех аспектах:

1. Всё что здесь написано – **правда**. Всё это действительно **было** на самом деле.

2. В то же время, если кто-нибудь, прочтя эти записки, захочет привлечь меня к ответственности за: **клевету, экономические и другие преступления, разглашение государственной тайны и проч.** то, предупреждаю заранее, что в этом случае, я откренюсь от документальной точности и скажу, что это **художественное произведение**, потому что в некоторой степени оно таковым и является. К тому же не надо забывать, что **мысль высказанная – уже ложь**. Для того чтобы усугубить недокументальность, я не указываю точных имен людей и изменяю географические и прочие названия.

3. Если Вы чувствуете себя уверенным в этой жизни, имеете твердые убеждения, надежно балансирующие вашу жизнь, например, свято верите в христианскую или какую-нибудь другую религию, вы убежденный атеист или имеете собственную философию, отличную от вышеперечисленных, то я Вам читать этих записок не советую. Слишком велика вероятность того, что Ваше мировоззрение изменится, а вместе с ним развалится и спокойная жизнь. Потом понадобится, как минимум, несколько лет для того, чтобы проверить всё это на собственном опыте и хоть как-то восстановить мир в душе.

Это, в основном, касается необычных случаев и выводов, а по остальному повествованию могу привести еще один аргумент со стороны:

«Всегда и везде с осторожностью относитесь к воспоминаниям людей старшего поколения. Они вовсе не думают обманывать себя и других, но сами видят вместо прошедшей жизни мираж отобранных памятью ощущений и образов, окрашенных вдобавок тоскливым сожалением о молодости... В общем, получается, как в литературном произведении. Жизнь как будто и настоящая, реальная, но в то же время концентрированная – большие переживания и впечатления заслоняют собой медленные тоскливые дни с их мелкими разочарованиями.» Иван Ефремов «Лезвие бритвы».

Если я Вас убедил, то выбросьте эти записки в мусорную корзину или подарите товарищу.

Если не убедил, тогда...

Ну, что ж, вперед! И, да поможет нам бог.

Часть первая

1. Сон или другая жизнь?

Началось всё с того, что дочь принесла мне в больницу первую книгу Кастанеды. Я давно собирался познакомиться с этим культовым автором и сам попросил принести именно это. В больнице всё равно, что читать, чем завлекательней книга, тем она менее предпочтительна, потому что кончается быстро. Лучше всего здесь съедаются книги неторопливые, умственные. Кастанеда был очень к месту. Первый том, где речь идет в основном о коллективном употреблении наркотиков мексиканскими индейцами был мне, в принципе, не интересен. К тому же, неуклюжие диалоги Кастанеды коробили. Единственное, что нравилось, это изумительная личность дона Хуана. В другое время, я бы отложил книгу и не стал бы читать дальше, но в больнице она меня захватила.

Захватило меня странное ощущение правды, не правды факта или описываемых событий, а какой-то междустрочной, глубинной правды. Складывалось такое ощущение, будто я не просто согласен с автором, а знаю всё это сам, и не в цифровом обыденном формате, а в аналоговом, интуитивном.

Весьма и весьма странное ощущение. При том, что мне не хотелось читать слова, написанные на бумаге, у меня появилось такое чувство, что я вот-вот пойму какую-то важнейшую для себя мысль. Эта мысль росла во мне с каждой перевернутой страницей, но никак не хотела сформироваться в понимание, как если бы я пил воду и никак не мог утолить жажду.

В больницу я тогда попал в предынфарктном состоянии. Я в очередной раз чуть было не сыграл в ящик, но всё обошлось, даже грудь разрезать не пришлось, мне через ногу вставили стент в коронарный сосуд и дело с концом.

Выйдя из больницы, я заехал в книжный магазин и купил все остальные тома. Я читал их не спеша, до глубокой осени, с удивлением осознавая, что не могу прекратить это занятие, что вот еще чуть-чуть и я пойму то самое, очень важное для меня. И вот в какой-то осенний день, вернее в одну из ночей, случилось то, что должно было случиться рано или поздно, хотя стало для меня совсем неожиданным. Я проснулся во сне.

Это должно было случиться потому, что практика **сновидения** занимает в книгах Кастанеды главное место. Читая, постоянно задумываешься об этом и спонтанно хочешь это испытать на себе. Я уже тогда начал догадываться, что неспроста видел в детстве стену из облаков, да и еще что-то было, только нужно это вспомнить.

Очень многие люди, хоть раз в жизни имеют такой опыт, но в подавляющем большинстве случаев, не обращают на это особого внимания. Видимо к этому нужно быть подготовленным, иначе трудно понять происходящее. Для неподготовленных людей это так и остается в памяти очень ярким и почему-то не забываемым сном.

События, происходящие в *сновидениях*, не забываются, потому что, когда сталкиваешься с ними, они кажутся более реальными, чем обычная жизнь. На самом деле, они таковыми и являются. Многие смотрели фильмы «Аватар» или «Матрица», в этих фильмах люди засыпая в одном месте, просыпаются в другом и ведут там полноценную жизнь, но ДРУГУЮ. Примерно тоже самое происходит с нами постоянно, только мы этого не помним в «обычной жизни».

Мне снилось тогда, что я иду по городу похожему на Москву в сторону какого-то стеклянного здания. Вдруг я понимаю, что в здании взрывается бомба и вижу начало взрыва, лопающиеся стекла и черный дым. Я быстро разворачиваюсь и пытаюсь убежать, но не успеваю,

осколки стекол и камней бьют мне в спину, не очень больно, но всё же чувствительно. Скрывшись за угол соседнего кирпичного дома, я спускаюсь по ступенькам короткой лестницы в полуподвальное кафе, сажусь на высокий стул у стойки и рассуждаю, о том, что во сне я не должен чувствовать боли, и тут же понимаю, что это же сон! Я сплю! Значит, я могу проснуться во сне, для этого Кастанеда советовал посмотреть на свои руки? Смотрю на руки и выхожу из сна.

Все предметы до этого бывшие расплывчатыми и неустойчивыми, приобретают четкость и ясность. Я провожу рукой по стойке – она твердая и гладкая с зазубринами в некоторых местах. Через сквозное отверстие в стене я вижу, как на кухне повара режет большие куски мяса. Посетители за столиками пьют кофе, не обращая на меня никакого внимания.

Это несколько не похоже на сон. После того, как я увидел свои руки, я сразу прекратил быть тем аморфным чувственным чучелом, к которому мы привыкли во сне. Я это был я, со своим полным сознанием, памятью и мыслями. Я был твердый, обычный я, если пощупать себя руками. В чем я был одет, не помню, но я и в обычной жизни не обращаю на это внимание. Я встал и пошел к выходу, дверь открыл легко, а вот на ступеньках случилась заминка.

Такое было впечатление, что воздух на улице стал плотным, как вода или даже более вязкая жидкость. Я, повернув влево, смог с большим трудом сделать всего несколько шагов и остановился. По книгам я знал, что в состоянии сновидения можно летать, прыгнул вверх и действительно взлетел. Дальше я передвигался в трех метрах над землей, загребая руками, как бы плывя брассом. Пешеходы подо мной иногда поглядывали на меня, но интереса не проявляли. Таким порядком я выдвинулся на бульвар очень похожий на одно место возле Покровских ворот. Здесь были проложены даже трамвайные рельсы, но совсем ржавые от неиспользования.

Посреди бульвара, один из прохожих попросил меня спуститься вниз, сказал, что здесь не принято летать по воздуху, хотя и не возбороняется никому и предложил поздороваться с кем-то, показывая вниз. Прямо из асфальта высунулась большая волосатая рука. Повинуясь местным традициям, я протянул руку навстречу, и пожал... это было настолько ужасное впечатление, что страх вытолкнул меня тут же из этого мира обратно в постель, где я спал, верней, где спало моё тело. Я до сих пор явственно помню щекотное прикосновение к этой руке. Черная шерсть не очень густо распределялась по всей руке, включая ладонь, причем это были не волосы, а хитиновые лохмы, как у огромной мухи. Я сразу встал с постели и ушел на кухню, закурил и долго не мог успокоиться.

Летать по-настоящему я научился на третий или четвертый раз. Для этого вовсе не нужно грести руками или ногами, нужно просто иметь соответствующее желание. Скорость полёта может быть любой, вовсе не ограниченной сверху скоростью света. К примеру, на Луну, или даже далеко за пределы Солнечной системы, можно переместиться мгновенно, но это уже не полёт, это что-то другое.

Я не ставлю перед собой цели убедить кого бы то ни было в том, что я то или иное количество раз побывал на «том свете», особенно тогда мне это было не нужно. Мне главное было самому понять, что это такое на самом деле.

Наши ученые могут объяснить всё, что угодно. Первое, что может мне сказать любой, это, что я вру. Но самому себе, я врать не могу – это действительно было! Значит, воображаемый ученый оппонент, будем считать, мне поверил. Вторым пунктом программы, он начнёт меня убеждать, что всё это игрушки мозга в возбужденном или, наоборот, в заторможенном состоянии. Но я-то знаю, что мозг здесь ни при чём! А откуда я это знаю? Как это можно понять, например, из описанного мною, первого опыта? Да, никак. Первый опыт оставил у меня массу сомнений. Я вошел в непонятный мне мир из сна и проснулся без всякого перехода. Но однажды я доказательство получил.

Дело было так. Я немножко нахулиганил. Может быть и не немножко. Находясь в ином состоянии, я решил проверить одно положение из последних книжек Кастанеды. Там древний маг утверждает, что можно увидеть энергетическую составляющую человека, или любого существа других миров, указав на них мизинцем левой руки. Я шел по улице чужого города, вспомнил об этом способе и тут же указал мизинцем на первого же прохожего. Человек исчез, вместо него продолжал двигаться по улице энергетический вихрь, голубоватого оттенка. В какой-то эйфории я стал это же делать с остальными. Цветовые оттенки у разных людей немного отличались, но эффект во всех случаях был одинаковым. Я настолько увлекся этим хулиганством, что не заметил подошедшего ко мне стража. На самом деле, я не знаю, как по другому его назвать, но увидев, я сразу понял, что это какой-то секьюрити. Ну, это была просто классика: темный плащ и насупленные брови из-под полей шляпы.

Я уже приготовился давать объяснения, своим действиям, но увидел, что еще с трех сторон ко мне приближаются трое точно таких же. Не знаю, каким по счету чувством я определил, что меня берут в коробочку и ждать последствий не стал. Для того чтобы вернуться в свое земное тело, не нужно никуда звонить по телефону, как в известном фильме, нужно лишь захотеть этого. Я очень захотел и тут же очутился возле него, то есть возле себя спящего. Тело лежало на спине, а я с перепугу попытался в него влететь лицом вниз и не попал, не совместился. Пришлось притормозить и переворачиваться.

Обычно совмещение тел происходит мгновенно и поэтому не фиксируется памятью, а тут, благодаря моей ошибке, весь процесс совмещения я прочувствовал чисто физически. Это было довольно неприятно. Меня подгонял страх, а пришлось подняться выше, перевернуться, совместиться с телом, так, чтобы нематериальная голова была где-то на уровне груди тела и втиснуться в материю со скрипом, как будто бы влезть рукой в тугую перчатку или надеть на ногу сапог меньшего, чем нужно размера.

Сразу после возвращения в тело обязательно просыпаешься в физическом мире, тот раз не был исключением. Даже более того, я сразу вскочил с постели и почувствовал себя бегуном, только что закончившим дистанцию. Учащенный пульс, тяжелое дыхание. Не только сразу после этого события, но и сейчас я могу в замедленном варианте вспомнить все подробности произошедшего, снова видеть физическое тело и рядом с ним мечущееся энергетическое – тоже моё тело! Я помню и свой страх и неприятные физические ощущения при совмещении тел. Очень хорошо помню.

После этого случая сомнений больше никаких у меня не было. Никакие ухищрения мозга не могут дать тех ощущений, что я испытал в тот раз. И спорить ни с какими учеными я больше не хочу, потому что это разговор слепого с глухонемым. При этом, нужно признать, что доказать никому и ничего я не смогу, да и не хочу.

То, что я узнал сам для себя – это только моё, это моя судьба. Может быть, нормальному человеку это знание не только не нужно, но и вредно. Хотя, теоретически, любой человек может узнать то же самое или подобное этому, но об этом будет знать только он сам, и никому не сможет ничего доказать.

Сновидение – это было еще не всё, что появилось нового в моей жизни в тот период. Я вдруг стал видеть энергетические поля вокруг себя – такие своеобразные перемещения странных полупрозрачных форм, немного похожие на тепловые потоки над горячим асфальтом, особенно хорошо они заметны в теневых перепадах солнечным днём.

На восточной половине неба мне стали видны наклонные линии. Если я неожиданно бросаю взгляд в ту сторону, я вижу полосатое небо, потом всё выравнивается и небо становится обычным. Или наоборот, я некоторое время смотрю на плывущее облачко или след инверсии самолета и вдруг небо покрывается странными линиями, как будто это уже не небо, а какая-то матрица или страница из тетрадки по чистописанию.

Ночью за окном я вижу кастанедовских *летунов-волотаресов* – большие черные тени, снующие вверх-вниз, похожие на огромных бабочек. Первое время они вызывали во мне беспричинную тревогу, даже страх, потом прошло.

Все эти явления, включая сновидение, проявились не сами собой. Сначала я научился выключать внутренний диалог и периодически сохранять внутреннее безмолвие.

Многое из того, что описывал Кастанеда в своих книгах, подтвердилось на моем личном опыте и вошло в мою жизнь еще не вполне осознанным новым. Я сам хотел познать это новое и стремился к нему. Но всё же...

Еще раз повторяю, что эти события разрушили мою внутреннюю философию и связанное с этим спокойствие. Что было делать? Заменить своё мировоззрение на учение древних толтеков? Но я не мог этого сделать по ряду причин. Прежде всего потому, что древняя индейская философия показалась мне ущербной в основных постулатах, главным образом, это касается взглядов на рождение и смерть. Для тех, кто не читал КК или читал не очень внимательно, я вкратце поясню.

Рождение человека толтеки рассматривают как явление случайное. При этом они не могут не видеть, что все люди рождаются разными, не зависимо от физического, социального или материального состояния родителей. И толтеки весьма оригинально выходят из положения. Они говорят, что характер и способности ребенка зависят от настроения родителей в момент физического акта соития. Если они это сделали с любовью и радостью, то и ребенок будет веселым и бодрым, а если эта супружеская пара, уже давно наскучившая взаимно, работает вяло, без энтузиазма, то и дитя у них будет скучное и плаксивое.

Это замечательная версия для анекдота, но серьёзно относиться к такой теории рождений, мне кажется невозможным.

Смерть они видят, как разрушение энергетической защиты человека и поступление останков (энергетической же составляющей) в пищу Орла.

Место бога в их представлениях занимает Большой Орел, некое явление космического масштаба, дающее жизнь и буквально пожирающее её в конце. При этом есть некоторые избранные, имеющие возможность избежать общей участи, воспользоваться даром Орла – проскочить мимо его всё пожирающего клюва и уйти в бесконечность.

Эта теория, может быть, и красива в своём роде и весьма поучительна для верующих в неё, но, на мой взгляд, она просто наивна. Индийская теория реинкарнации выглядит гораздо основательней и правдоподобней. К тому же теория толтеков в этом аспекте противоречит сама себе. Она совмещает в одном и том же моменте чистую случайность с хорошо подготовленной преднамеренностью. Ну, на самом деле, или уж родители дают жизнь и закладывают основы характера будущего человека, или Орел? Кто-то же должен нести за это ответственность? Если Орел забирает себе результаты жизней всех людей, то он должен и совершенствовать эту жизнь, каждый раз корректируя создаваемую вновь жизненную единицу и воздействуя на неё посредством своих «эманаций». А причем тут тогда родители?

Вот это в теории толтеков главный и почти единственный постулат, с которым я ни в коем случае не могу согласиться. Он противоречит и моему опыту и самой теории, в остальном очень правдоподобной. Правдоподобна не только теория, но и практические рекомендации по исследованию жизни, однако, критика учения толтеков не является целью, написания мной этой книги. В дальнейшем я, может быть, коснусь этих методов, если придется, сейчас пока затрону лишь один из них – перепросмотр жизни. Толтеки считали, что перепросмотр дает возможность очиститься от застарелых накоплений вредной энергии, а заодно и избежать клюва Орла, потому что эта вредная энергия и есть самая вкусная часть человека.

Не знаю, насколько я стал менее вкусным, но мне самому этот процесс кое-что дал, даже, можно сказать, дал очень многое. Из памяти повылезло огромное количество отдельных фраз,

неясных чувств, неловкостей и красивых картинок. Изложить здесь всё, что я вспомнил о себе и окружавшей меня когда-то жизни совершенно невозможно. Из того, что наметил к написанию, я включил сюда меньше одной десятой части, а намечал где-то сотую от вспомненного.

Да это никому и не нужно. Главное, что я не просто вспомнил, но прочувствовал и осознал некоторые моменты, выходящие за пределы привычной жизни, за пределы рационального объяснения. Обычно мы эти моменты либо не замечаем вовсе, либо они остаются где-то в уголке памяти, ожидая своего часа. Для большинства людей час этот так никогда и не настает.

2. Мираж прошлого

Дон Хуан советует Кастанеде начинать перепросмотр своей жизни с настоящего момента, потому что это проще, потому что все последние события совсем еще свежи в памяти. Я выслушал этот совет и поступил наоборот – я начал свои воспоминания с самого приятного – с детства.

Детство делится на два явно разграниченных периода: до школы и в школе. Светлый период и серый период. Пока не начался серый, я повспоминаю отдельные моменты яркого светлого детства.

Малый Кисельный переулочек и сейчас тихий, правда, по другим причинам, нежели раньше – ехать с бульвара некуда, поэтому машины не ездят, они там стоят, плотно закрыв все тротуары. А раньше, их просто не было, проезжали за день три-четыре машины, в основном такси.

Мы жили на последнем этаже небольшого по московским меркам дома. Третий этаж был или четвертый не помню, но из нашей квартиры был выход на чердак, слева от входа.

Центральный подъезд со стороны переулочка имел парадное чугунное крыльцо изумительного узорчатого литья, но дверь его всегда (по проф. Преображенскому) была заперта. Ходили со двора, через черный ход. В небольшом дворе располагались какие-то хозпостройки и небольшой одноэтажный домик с какой-то сов. конторой. Этот домик описан в романе Акунина «Любовница смерти» как жилище злого и коварного Просперо.

Недостатков в тогдашней Москве, конечно, хватало. Особенно бросается в глаза обилие коммунальных квартир и теснота в этих квартирах. Но это неудобство для взрослых, а детям даже лучше в таких условиях, во всяком случае, веселее.

Наша квартира мне казалась огромной. Справа от входа была кухня со столами всех жильцов и газовой плитой, периодически меня на этой кухне мыли в оцинкованном корыте. Слева от входа – небольшой закуток с дверью в сортир и над этой дверью – выход на чердак. Если идти прямо от двери, то по правой руке первая комната принадлежала деду Сорокову, кроме него там жило еще человек пятнадцать и, собственно, дед с бабкой ночевали на сундуке в коридоре. Слева жили старики Холины вдвоем. Наша комната была второй справа.

Комната с одним окном, маленькая – метров 12 квадратных. Из мебели отчетливо помню только диван с высокой спинкой и откидными валиками. Помню зеленый коврик с оленями на стенке, он хорошо гармонировал с книжкой, которую мне читали на ночь, называлась она «Мама ланей». Помню еще ширму «фамильную» и обеденный стол посередине, под который я ходил пешком. Помню игрушки свои у окна: водокачку с колесиками, большую юлу и барабан. Я долбил по этому барабану палочками, когда мы с отцом пели «Мы шли под грохот канонады», про юного барабанщика. Из музыкальных инструментов у нас были еще трофейный аккордеон, привезенный отцом с фронта, и балалайка. Одним словом, всё было замечательно.

Москва, вообще, тогда была очень приятным, уютным и веселым городом. Сейчас мне больно бывать в Москве, я стараюсь не ездить туда, особенно в центр. Такое впечатление, что мумии старых домов подмазаны, подраукрашены и заселены временными жильцами, типа скарабеев или их личинок, съедят внутренности и уйдут в другое место. Может, я нехорошо сказал, но такое ощущение есть, что, не смотря на внешнюю мишуру, старые дома уже не живые. Или это похоже на то, как если бы мой родной город оккупировал враг и насаждает теперь в нем свои порядки, а получается это у него плохо, потому что старое, родное скорее готово умереть, чем подчиниться вражеским порядкам.

Моим воспитателем в М. Кисельном был дед Иван Холин. Не то что бы воспитателем даже, а сиделкой. Рано утром в сонном виде меня перетаскивали в соседнюю комнату и, заснув вечером у себя, утром я просыпался на высокой кровати Холиных. Днем мы гуляли на Рожде-

стенском бульваре, а вечером мать забирала меня. Она тогда работала главным инженером красильно-отделочной фабрики, а отец, офицер, был тогда начальником легендарной хоккейной команды ЦДКА, в которой играли Тарасов, Бобров и др.

Дед Иван запомнился мне худощавым стариком с седой щетиной на щеках, но бесконечно добрым человеком. Кстати, как я узнал позже, его фамилия выбита золотыми буквами на стене георгиевского зала в Кремле – он был полным георгиевским кавалером.

В 1916 году с ним был такой случай: он приехал в Москву с фронта и, по такому случаю, немножечко переборщил с приятелем в кабаке. По пути домой они свалились где-то под забором и уснули. Их, естественно, подобрал патруль, и проснулись они утром в кутузке. Сейчас немногие знают, что царская Россия, особенно в последние свои годы, была правовым государством в гораздо большей степени, чем в наши дни, и одним из непререкаемых правил было то, что полных георгиевских кавалеров нельзя заключать под стражу. Иван Холин проснулся в камере, расстегнул шинель и вызвал часового.

Что было бы в наше время? Сто вариантов: 1. Избили и украли ордена, сказав, что так и было; 2. Совсем бы убили, свалив на сокамерников; и т. д. Самый благоприятный вариант: втихаря порвали бы протокол и, отпустив, пригрозили бы, чтоб молчал. А что произошло тогда? Через пятнадцать минут в камеру подали хороший завтрак из соседнего ресторана, с выпивкой, на всех! За время трапезы, к дверям кутузки собрали духовой оркестр и проводили героя к извозчику с развернутым знаменем Московской комендатуры под щемящие звуки Прощания Славянки.

Кстати сказать, подробные воспоминания я начал с детства, но в первую очередь я составил таблицу по годам. И как-то сама собой эта таблица разделилась на тринадцатилетние циклы. Так получилось. Не могу сказать, касается это только меня или всех остальных людей тоже, но в процессе последовательного расположения материала стало очевидным, что раз в тринадцать лет как будто бы происходит повторение. Появляются какие-то сходные моменты, параллели. Такое впечатление, что начинается новый цикл жизни. Непонятно почему у людей сложилось неприязненное отношение к числу «13»?

Впрочем, это тема отдельного семинарского занятия, как говорил один мой друг, ныне покойный. Оставим все эти цифровые изыски пифагорейцам. У меня так получилось: первые тринадцать лет – детство; вторые – юность; третьи – сила; четвертые – зрелость, и так далее. Однако, я вполне отдаю себе отчет в том, что четких границ между периодами нет и быть не может, это во-первых. Во-вторых: сейчас я в этом абсолютно уверен, что наличие и длительность периодов никак не связана с качеством воспитания или самостоятельной работы над собой – эти жизненные этапы нам навязываются извне, со стороны или, как некоторые считают «свыше». Но с этим, опять же, мы, может быть, разберемся дальше, если попадутся подходящие примеры из практики.

Прежде чем вспоминать себя, попытаюсь вспомнить то, что мне известно о моих родителях, в «доменяшечную» эпоху.

3. Память о родителях

Отец родился в Москве. В точности его паспортной даты рождения я не уверен. Когда он уходил на фронт в 1943 году, как поступали многие на его месте, приврал с датой рождения, а поскольку почти вся его жизнь в дальнейшем была связана с армией, эта дата так и осталась в его бумагах. Мистика, но после смерти отца, я почти каждый год пропускаю его паспортный день рождения.

Родился он в Хамовниках, но несколько позже семья переехала в М. Кисельный переулок. Деда своего по отцу, Ивана Васильевича, я совсем не знал, он ушел из семьи еще до войны. Знаю, что родом он был вятский, работал оперативником НКВД, потом был двадцатипятилетником, организовывал колхоз, в деревне, где родилась моя мать.

Отец рассказывал, как они уезжали туда. На вокзале, пока они ждали посадки в поезд, у них украли какой-то узелок или чемодан, которых было, видимо, не мало. Бабушка начала ругаться на деда. Тот долго и молча слушал, держа руки в карманах пиджака. Как выяснилось позже, в одном из карманов у него лежал револьвер, а палец непроизвольно нажимал на спуск. После выстрела бабушка успокоилась, пуля, слава богу, никого не задела, даже рикошетом.

Бабушка, Екатерина Афанасьевна, не смотря на свои радикальные коммунистические убеждения и членство в ВКП(б), была родом из московской купеческой семьи. Работала она завмагом, верней завмагами, потому что её всё время перебрасывали по распоряжению райкома в магазины, где начальство проворовалось, для организации честной торговли. Бабушку по отцу, как и деда, я живой никогда не видел. Она умерла в 1948 году от инфаркта.

У отца был старший брат. Отцы и фамилии, правда, у них были разные. Дядя Миша пережил моего отца на несколько лет и рассказал мне кое-что из довоенной жизни. Отца своего, до этих рассказов, я представлял очень сдержанным и рассудительным человеком, но в детстве он, оказывается, был изрядным хулиганом. Об этом можно было догадаться по татуировкам на его руках, но я, видимо, внутренне не решался на такое святотатство в сопоставлениях.

Дядя Миша рассказывал о драках между деревнями «стенка на стенку» во времена колхозного строительства, о московской довоенной жизни, но сейчас я уже не могу разделить, то, что я услышал от него и то, что знал раньше от родителей. Я по себе знаю, что даже в шестидесятые годы, годы моей юности, тяжело было нормальному мальчишке избежать знакомства с уголовным, или как тогда говорили «блатным», миром в стране, где миллионы людей одновременно находились в тюрьмах и лагерях. А в довоенные годы – тем более. Тем еще более, что в двух шагах от нашего переулочка начинались заброшенные развалины Рождественского монастыря, простиравшиеся до Трубы – самого воровского района Москвы.

Отец ушел на фронт добровольцем, но не сказать, чтобы без давления обстоятельств. В первые годы войны он бросил школу и работал токарем на военном заводе. Впрочем, все заводы тогда были военными. Точил снаряды для фронта, выполнял по три нормы, и был на хорошем счету, но у него всё же были какие-то проблемы с властями и, если бы он не скрылся от этих проблем на фронте, у него могли развиваться серьезные неприятности. Сам он никогда об этом не говорил, но мать мне как-то сказала, что он в те поры даже отметился в Бутырках.

Попал отец в 85-й гвардейский минометный полк, проходивший после Сталинграда переформирование в Москве. Для тех, кто не знает: ужасная для врага ракетная установка «Катюша» официально считалась не ракетной установкой, а минометом. На направлении главного удара полк находился под Курском, а потом сошел с этого направления в сторону Прибалтики, не участвовал в форсировании Днепра, во взятии Будапешта и Берлина. Поэтому отец не имел большого количества правительственных побрякушек по окончании войны, но привез с собой немецкий аккордеон, Парабеллум, Вальтер и кое-что еще, по мелочи. Когда отец был уже на японской войне, по заявлению соседа Сорокова, (который, как потом выяснилось, участво-

вал в Тамбовском восстании против большевиков) пришли НКВДешники и почти все оружие забрали. Такая же штука повторилась и после японской войны – забрали самурайский меч и какие-то еще пистолеты, но, судя по всему, не все. Потому что окончательно отец разоружился, когда у него родился сын (ваш покорный слуга), пистолеты тогда были разобраны им самим на составляющие и выброшены в разные помойные ящики. Виной тому был сын одного из генералов, который как раз тогда малость пострелял из отцовского пистолета и сел, как водится. Так что трофейного оружия я так и не увидел, а жаль.

О войне отец рассказывал не так уж много. Попытаюсь пересказать, из того, что помню. Их полк, насколько я понимаю, был резервом главного командования, их задача была занять намеченную позицию, дать залп и быстро смотаться, потому что через десять-пятнадцать минут прилетали немецкие самолеты и нещадно бомбили это место, которое сверху было хорошо видно по треугольникам выжженной земли за машинами. Нередко под эти бомбовые удары попадали артиллеристские или пехотные части, стоявшие в непосредственной близости от позиций «Катюш». Те, кто отдавал приказы, наверное, не очень об этом заботились.

Это вовсе не значит, что самим «Катюшам» никогда не доставалось. Однажды немцы подловили их на стоянке в лесу, во время хозработ. Отец с группой товарищей перетаскивал куда-то снятую с машины раму. В этот момент их накрыл залп немецкого Ванюши (шестиствольный миномет). Одна из мин попала прямо в середину рамы. Отца отбросило взрывной волной в сторону. Одному из солдат осколком напрочь срезало яйца, но он остался жив, остальные были убиты наповал. Отец пострадал меньше всех, когда подбежала санитарка, он настаивал, чтобы ему обработали окровавленную руку с перебитым и сильно болевшим пальцем, а та, не обращая внимания на его требования, бинтовала ему голову. Потом выяснилось, что один из осколков мины, слава богу, не очень большой, прилетел ему прямо в лоб, но срикошетил от звездочки на шапке и по касательной только немного задел висок.

Из госпиталя отец убежал, недолечившись. Тогда так поступали многие солдаты, не только потому, что условия в госпиталях были не сахар, но, главное, чтобы не отстать от своей части.

Дважды за войну он выезжал на прямую наводку. Рассказывал он об этом неохотно, один или два раза по моей настойчивой просьбе. При этих рассказах глаза его совсем не выражали восторга. Выглядело в его изложении это примерно так. Разведка сообщила о продвижении по некоей дороге немецкой колонны. На машины сразу установили ракеты и даже примерно выставили угол подъема рамы. В таком виде «Катюши» выдвигались из укрытия на поле в непосредственной видимости дороги с проходящими немецкими войсками. Машины вылетали на предельно возможной скорости и сразу становились в линию. Задачей отца было как можно быстрее выставить опорные лапы с одной стороны машины. В это время наводчик корректировал прямой прицел.

Командир начинает крутить динамку и ракеты одна за одной уходят на цель, один оборот ручки – одна ракета.

В это время отец уже лежал в стороне от машины и смотрел, что будет там, на дороге. Немцы не сразу заметили «Катюши», они могли открыть огонь, но не успели, и начали разбегаться, когда, на самом деле, было уже поздно. Залп накрыл всю видимую часть дороги, и через минуту там уже не было ни живых людей, ни техники, сплошное горящее месиво. Это, конечно страшно. Уезжали обратно, уже не спеша, опасаться стало некого. Летчикам легче – они никогда не видят последствий своей страшной работы.

Рассказывал отец и смешные случаи. Например, однажды в качестве артподготовки они дали залп по деревне, которую атаковала наша пехота. Сразу снялись с позиции и поехали в сторону фронта, за наступавшими войсками. Приехали в ту деревню, по которой стреляли – деревня, как деревня – все дома целы, никаких последствий страшного залпа «Катюш». Только по всей деревне в беспорядке стоят какие-то странные столбы. Не сразу дошло, что это наши

славные реактивные снаряды. Ни один не взорвался, а немцы видимо решили, что это новейшее оружие замедленного действия и моментально оставили деревню. Вся партия взрывателей оказалась бракованной.

Или еще одна деревня, тоже целая, только топко на подъезде. Россия, как известно дорогами не богата, особенно в деревнях печально с подъездами. Первая же машина села. Оно и понятно: тяжелый Студебеккер с тяжелой рамой из трамвайных рельсов и кучей всякой необходимой муры на раскисшем подобии дороги да еще в горку... попробовали толкать и зарылись окончательно. Зацепились лебедкой за дерево – вырвали его с корнем. Что делать? Наш солдат просто так не остановится. Нарастили трос, чтобы достал до ближайшего дома, обмотали вокруг фундамента, потянули лебедкой – вроде пошла. Все сгрудились у машины, удивляются, почему лебедка так быстро наматывает трос. Окончательно поняли, в чем дело, только когда дом подъехал к машине. Пришлось всё-таки ждать, когда подойдут танки.

Когда наши соседи в шестидесятых годах вернулись из Китая, привезли с собой разные подарки, взрывоопасные и не очень, в частности красивый красно-белый графинчик рисовой водки с женьшенем. Отец попробовал немножко и больше не стал, сказав, что с войны этот запах не выносит. И вот тогда я из соседней комнаты подслушал рассказ о японской войне. При детях отец в воспитательных целях рассказывал о войне вещи поучительные, в той или иной степени даже героические, да и то редко, по случаю. А сейчас они думали, что детей нет.

Так вот привезли их полк железной дорогой почти к самому фронту, т. е. к китайской границе. Встали они на позиции очень плотно, вместе со ствольной артиллерией. Боеприпасы подвозились несколько дней. В наступившее время «Ч» вся эта армада открыла огонь и молотила, пока не вышел боезапас. Наступила тишина. Все знали, что после артподготовки, пехота при поддержке танков пошла вперед, но звуков боя не было слышно.

Получили приказ двигаться вперед. Погрузились на машины, двинулись. Перешли границу. Никого, никаких признаков Квантунской армии. Километров через тридцать стали попадаться китайцы. Стоят у дороги продают, кто что может. Чего, говорит, у них не спросишь: «рубиль». У одного симпатичного китайца отец за рубиль купил кружку рисовой водки. А мужик он был боевой, маханул эту кружку в три глотка и улегся обратно на машину.

Вот, собственно, и всё. Потому что проснулся он дня через два с жуткой головной болью и позывами к тошноте, когда уже поступил приказ грузиться в вагоны и отбывать обратно в Россию.

После войны отец окончил военно-политическое училище в Ярославле. Он не хотел оставаться в армии, но так сложилась судьба. Вообще-то, я должен был родиться в Порт-Артуре, если бы у Хрущева не наличествовала мания разбрасываться территориями, а может быть, тут сыграло роль вмешательство одного генерала, в честь которого я получил имя. Но судьба есть судьба – отец стал начальником хоккейной команды ЦДКА, а я родился в Москве.

С матерью отец познакомился еще во времена сталинского колхозного строительства, но у них долго не складывалось. Да и как у них могло легко сложиться, когда в процессе становления колхоза материну семью раскулачили. Слава Богу, не выслали куда-нибудь в Сибирь, но скотину отобрали и кое-что еще. Так что отношения к председателю сынку вряд ли могли быть хорошими. Справедливости ради надо сказать, что дед был председателем в другом колхозе, соседнем.

Я недавно проезжал на машине через те места, где родилась мать. Попал я туда случайно, ошибся дорогой и вдруг вижу указатель: Красные Холмы, остановился, когда увидел еще и Мормыжи. Мормыжей раньше было двое – верхние и нижние, теперь сократили видно. Кукуевка, наверное, тоже исчезла. А вот почему так поздно, позже шестидесятых годов, покраснели Холмы? Вопрос. Узнать эти места почти невозможно, но это те самые места, недалеко от Ску-

ратова, возле железной дороги, где состоялось жуткое, самое большое железнодорожное крушение девятнадцатого века, описанное, молодым тогда журналистом Гиляровским.

С матерью в детстве был случай, после которого у неё осталась метка на всю жизнь. На краю их деревни висел вечевой колокол. Ну, колоколом назвать это приспособление, конечно, жирно, хотя предназначение одинаковое. Это был старый железнодорожный буфер с привязанной железной занозой, чтобы звонить в случае пожара или каких других okazji. Не исключено, что этот буфер сюда приволокли с того самого крушения. Так вот, две четырехлетние девочки, одна из них моя будущая мать, решили покачаться на этом буфере. А веревка возьми и порвись! Вторая девочка отделалась легким испугом, а мать получила сильный удар тяжелой железякой по голове и умерла. Вторая девочка с воплями побежала звать на помощь, а мать реально находилась в состоянии клинической смерти. Когда подросли взрослые, гулявшие рядом свиньи уже принялись есть мертвую девочку. Взрослые прогнали свиней, принесли девочку домой, и здесь только она очнулась. После этого, у неё навсегда на щеке осталось красное пятно и очень яркое воспоминание ВТП / внетелесное путешествие/. Я говорю о ВТП, потому что она всё видела немного со стороны: и свое, лежащее в обнимку с железом тело... и как её жевали свиньи, и как её несли домой, и как мать вся в слезах... одним словом – всё. Только возврат в тело описать не могла.

Её мать, моя бабушка, Екатерина Гавриловна, была изумительно хорошим и, я бы сказал, интеллигентным человеком, хотя в академическом смысле дальше церковно-приходской школы не пошла. Я никогда не слышал от неё ни одного грубого слова, не говоря уже о матерных ругательствах. Она всю жизнь провела в крестьянских трудах. Заработала от государства пенсию, хорошую, но слишком маленькую, аж 18 рублей в месяц. Впрочем, о русском государстве вообще говорить противно.

Дед мой, Иван Яковлевич, гораздо меньше был расположен к крестьянскому труду. Революцию 17-го года он застал в Москве, работая на заводе Гужона. На демонстрации ходил, хотя потом положительно об этом не отзывался. Потом работал на железной дороге, исполняя мелкие должности, иногда уезжал проводником далеко. Я хорошо понимаю его эту тягу к перемене мест, я тоже такой. Может это у нас от моего прадеда моряка, погибшего в Русско-Японскую войну?

Дед проработал до самой смерти. Его труды при начислении пенсии были оценены почти в два раза дороже бабушкиных, в тридцать целковых.

Мать в семье была младшим ребенком. На два года старше неё был дядя Саша. В 41-м году, в Туле, он окончил курсы младших лейтенантов, вместе с Василием Афанасьевичем, моим двоюродным дядей. Когда немцы подошли к Туле, они вместе ушли на фронт, дядя Саша провоевал всего несколько дней. Немецкая пуля раздробила ему кисть правой руки. После госпиталя его направили на Тульский оружейный завод, где он и проработал всю оставшуюся жизнь сменным мастером.

Дяде Васе повезло больше (или не повезло?) он дошел до Берлина.

Каждое девятое мая патетически говорят, что нет в России семьи, не потерявшей кого-либо в войну. Есть. Не смотря на то, что все мои родственники, жившие в тот период, так или иначе, участвовали в войне; например, мать с бабушкой и дедом были в оккупации, и через их деревню дважды прошел фронт, никто из них не погиб. Брат отца Михаил Васильевич всю войну прошел батальонным разведчиком, а дядя Вася взводным командиром в пехоте. Это для тех, кто понимает.

Самым пострадавшим в войну был один из двоюродных дядьев. Он перегонял Студебекеры и однажды заснул за рулем, за что получил пять лет лагерей.

И всё-таки **самым** пострадавшим я считаю не его, а дядю Колю.

Был дядя Коля еще более старшим братом матери. Говорят, до войны он был самым веселым парнем на деревне, от девок отбоя не было. Я его помню уже совсем другим. Утром он, согнувшись, затягиваясь из кулачка маленькой папироской, уходил на работу, вечером так же согнувшись, почти никого не замечая, и не здороваясь ни с кем, шел домой. Вечером изредка выходил из своей комнаты в сени покурить. А всё вона! Сейчас наивные или корыстные люди изображают историю советского периода с добренькими такими, милыми диссидентами и злыми, гадкими сотрудниками НКВД – КГБ. Среди тех и других были разные, и хорошие и плохие, неизвестно, кто лучше.

Дядя Коля служил в войсках НКВД с 1939 по 1949 год.

Да, он стоял в заградотрядах, он участвовал в выселении чеченцев и т. п. Но представьте себе ситуацию:

В военкомате полуголый призывник предстает перед комиссией, председатель ему говорит:

– Поздравляю, товарищ! Для прохождения службы вы направляетесь в войска НКВД. Это большая честь, туда направляют только лучших из лучших.

А призывник отвечает:

– Вы знаете... не хочется мне в этих войсках служить...

Мог он так ответить? Никогда в жизни! Он мог ответить только так:

– Служу трудовому народу! – иначе, вместо службы он уехал бы в лагерь по 58-й статье минимум на те же десять лет.

А он в 1940 воевал на финской войне, потом три года на фронте против немцев. Для тех, кто не владеет проблемой, скажу, что эти самые войска НКВД не только стояли в заградотрядах, но и сами участвовали в боях и, в случае чего, немцы их в плен не брали, а расстреливали на месте. Для немцев они были все равно, что для наших эсесовцы. После Чечни их часть перебросили в западную Украину добивать бендеровцев, а потом в Прибалтику против лесных братьев. Представляете? война давно кончилась, а они прочесывают леса, где из-за каждого дерева, в любой момент может грохнуть автоматная очередь и поминай как звали.

Оккупанты, конечно. Понятно. И орденов за это не дают.

В общем, вернулся он домой совсем другим человеком. И хвастаться нечем, и жизнь переломана.

Осенью сорок первого года немцы подошли к Туле. Город они так и не взяли, но деревни вокруг находились в оккупации около трех месяцев.

Когда передовой немецкий отряд вошел в деревню, девчонки, и мать моя в том числе, закутались в рваньё и испачкали физиономии сажей. Опасения их были не напрасными. В первый же вечер один из немецких солдат пристал к одной из девчонок, та заорала и побежала от него по улице. Солдат оказался упрямым и, видимо подшофе, побежал догонять. На крики выбежал немецкий офицер, остановил солдата. Я не склонен обелять фашизм, но факт есть факт – солдата расстреляли за этот поступок на следующий день при общем стечении народа.

Самая большая обида осталась у матери на немцев, когда в доме поселился тыловой офицер (а дом у наших был хороший), он забрал себе её портфельчик, подаренный ей за хорошую учебу. Не смотря на отсутствие особых притеснений от немцев (притеснения были только от русских полицаев), своих встречали очень радостно, со слезами на глазах, как говорится, при виде другого цвета шинелей, тем более что напоследок чуть было не пострадал дед. Немцам нужен был проводник, они разыскивали деда, но тот заранее ушел в лес, Сусаниным стать не захотел.

Через некоторое время семья перебралась в Тулу, на Рогоженский поселок. Мать там окончила среднюю школу и уехала в Москву, в Текстильный институт.

В Москве они поженились с моим отцом и поселились после смерти моей московской бабушки в М. Кисельном переулке.

4. Всплески памяти.

Заставить работать свою настоящую память очень тяжело, мешают мозги – громоздкий аппарат, предназначенный для трансформации настоящей памяти в практическое, цифровое русло. На самом деле человек помнит всё, каждое чувство, каждое движение, но попробуйте вспомнить, что было лет десять, пятнадцать назад. Память выдает лишь самые яркие, эмоционально окрашенные моменты, которые я назвал здесь **всплесками памяти**. Можно натренировать себя и вспомнить всё, но это очень не просто.

Первое сознательное воспоминание в моей жизни, которое можно датировать: Весна. Март или апрель? По бульвару вниз текут ручьи. Дед Холин гуляет со мной на Рождественском бульваре. Вода течет по канавкам мимо скамеек вниз, в сторону Трубной площади. У меня в руках старая ненужная кастрюля без ручек. На соседней канавке мальчишки пускают кораблики. Говорю о них, что они большие – им целых пять лет, а мне только два.

Дед Сороков сидит у дощатого стола на кухне и пьет чай без заварки. До сих пор этого не понимаю, неужели заварка дороже сахара? Это худощавый высокий старик с большими висячими усами на коричневом обветренном лице, у него темные волосы почти без седины. Он в галифе со штрипками на босых ступнях, ремень расстегнут, но не от неаккуратности – после того, как напьется кипятку, он об этот ремень будет править опасную бритву.

В квартирную дверь заходит парень лет тринадцати-четырнадцати. Даже для меня, совсем маленького он не дядька, а взрослый мальчишка. Он в гимнастерке, с двумя медалями на груди, пьяный. Он что-то пытается сказать, но бабка Сорокова ругает его за то, что нацепил чужие медали, гонит в шею и закрывает за ним дверь.

У Сороковых комната была еще меньше чем у нас, но народу там очень много – три семьи с детьми за ширмами. Бабка с дедом спали на сундуке в коридоре.

Утро. Я уже одет и мне хочется писать. Я выхожу из комнаты и спокойно выдвигаюсь в сторону туалета, но тут возникает неожиданное препятствие. Дело в том, что живший раньше в нашей квартире старый кот приказал долго жить, и соседи завели нового котенка. Котенок злобный и страшный. Почему старый кот был добрым и любимым и я с удовольствием играл с ним, а этот мелкий тип злобный и неприятный? Не знаю, но у детей чутьё. Котенок стоит прямо на моем пути, и я пускаюсь в переговоры. Мне, дескать, надо в туалет, пропусти меня, пожалуйста, а этот стоит и еще шерсть вздыбил, я злюсь, топаю ногой, но пройти не решаюсь. Эти переговоры слышат многие, катаются со смеху. Котенка убрали с моего пути не сразу, и потом будут долго вспоминать этот случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.